

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ В АНГЛИИ В XI—XV ВЕКАХ

Е. А. Косминский

Вопрос об эволюции форм феодальной ренты в Англии много раз ставился в исторической литературе. Достаточно хорошо известны старые теории Роджерса, Виноградова, Пэджа, Пти-Дютайи, Петрушевского (в ранний период его научной деятельности). Между этими исследователями имелись значительные расхождения в частных вопросах: о хронологии и темпах процесса коммутации, о влиянии на него «Черной смерти» 1348—1349 гг., о «феодальной реакции», вызванной «Черной смертью», о роли крестьянского восстания 1381 г. и т. д. Но при всех этих расхождениях, как бы велики они ни казались, историков, писавших об этом вопросе во второй половине XIX в., объединяет одна общая основная концепция. Все они рассматривают манориальную систему, основанную на крепостничестве (вилланстве) и отработочных повинностях вилланов, как систему, соответствующую условиям натурального хозяйства. С развитием «денежного хозяйства» эта система начинает разлагаться, причем важнейшей стороной этого процесса является замена отработочных повинностей денежными платежами («коммутация»). Развитие коммутации приводит к ликвидации домениального хозяйства, к освобождению вилланов и к падению всей манориальной системы. Эта линия развития рассматривалась в основном как прогрессивная, как важнейший этап в переходе от экономического строя средневековья к экономическому строю нового времени. Такая концепция, которую можно назвать концепцией либерально-позитивистской школы, доминировавшей в буржуазной историографии во второй половине XIX в., исходила из вульгарных представлений о «натуральном хозяйстве», как хозяйстве без обмена и денег, и о «денежном хозяйстве», как о таком хозяйстве, «когда деньги представляют основу всех экономических отношений»; в автоматическом развитии «денежного хозяйства» она усматривала основной двигатель экономического прогресса.

Аналогичные взгляды, подновленные некоторыми новыми фактами, в разных вариантах повторяются буржуазными историками и до наших дней. Но для современной буржуазной историографии более характерна «ревизия» старых либерально-позитивистских концепций с точки зрения допшианства и неомальтузианства — реакционных теорий, взятых на вооружение современным империализмом. При этом данную ревизию нередко стараются представить как «опровержение» марксизма.

Проблемы теории и истории феодальной ренты, в частности вопрос о смене ее форм, всегда стояли в центре внимания советских медиевистов. В последнее время эти проблемы привлекли к себе особый интерес советских историков в связи с обсуждением вопроса об основном экономическом законе феодальной формации¹.

В то же время проблема смены форм феодальной ренты стала предметом обсуждения зарубежных прогрессивных историков, занимающихся выяснением закономерностей перехода от феодальной формации к капита-

¹ См. дискуссию на страницах журнала «Вопросы истории». 1953, № 6; 1954, №№ 2, 7—11.

листической². Дискуссия по этим вопросам сосредоточилась главным образом на теме о «кризисе феодализма» в Европе XIV—XV веков³.

Применить теорию Допша к аграрной истории средневековой Англии пытался Петрушевский в последних (3-м и 4-м) изданиях своей книги «Восстание Уота Тайлера». В них он становится на точку зрения допшианской теории «вотчинного капитализма» и утверждает, что манор как хозяйственная организация всегда был связан с рынком и существовал как предприятие, преследовавшее коммерческие цели. Но Петрушевскому не удалось последовательно провести эту точку зрения, и он в основном повторил свою прежнюю концепцию, развитую в первых двух изданиях книги.

Наиболее последовательную ревизию с допшианских позиций старых взглядов на коммутацию и на процесс разложения манориального строя мы находим в работах кембриджского историка-экономиста профессора М. Поста⁴.

В чем заключаются основные черты этой ревизии?

Прежде всего феодальная вотчина (манор), раньше считавшаяся твердыней натурально-хозяйственной системы, рассматривается как крупное «капиталистическое» или, осторожней, «квазикапиталистическое» предприятие, производящее преимущественно на рынок. Таковой она является уже в англо-саксонскую эпоху. История ее, с этой точки зрения, представляет не восходящую прогрессивную линию, а смену периодов подъема и упадка. Преобладание той или иной формы ренты ставится в зависимость прежде всего от условий хлебного рынка.

При условии получения высоких прибылей от продажи хлеба лорд манора был заинтересован в расширении домениальной запашки и, стало быть, в усилении отработочных повинностей вилланов. Когда же эти прибыли снижались, ему было выгоднее отказываться от домениального хозяйства и переходить к системе денежных рент.

В англо-саксонскую эпоху (как можно ретроспективно заключить из памятников XII в.) в Англии наблюдаются значительная домениальная запашка и развитая отработочная система. Из этого делается вывод о благоприятных условиях хлебного рынка в это время (о «раннем сельскохозяйственном буме», по выражению Поста).

Позднее, главным образом в XII в., неблагоприятные условия хлебного рынка, объясняемые общей политической и экономической неустойчивостью, вызывают колебания и даже падение рыночного дохода и ведут к сокращению домениального хозяйства и к частичной замене отработочной ренты денежной. В XIII в. быстрый подъем экономики и, в частности, рост хлебной торговли, принесявшей большие выгоды, приводит к новому «буму», к росту домениального хозяйства и отработочной ренты.

Эта эпоха стремительного подъема в свою очередь около 20-х годов XIV в. сменяется длительной депрессией, выражающейся в общем упадке хозяйственной деятельности, в сокращении рынка, падении цен на хлеб, нехватке рабочей силы, падении рент и цен на землю, в общем сокращении обрабатываемой земли. Все это, в конечном счете, приводит к ликвидации домениальной запашки, падению крупного «капиталистиче-

² Здесь основное значение имеет книга М. Добба «Studies in the Development of Capitalism», 1946. Вызванная ею дискуссия, в которой приняли участие английские, американские и японские историки, суммирована в сборнике «The Transition from Feudalism to Capitalism», 1954.

³ См. «Kwartalnik historyczny», 1953, статья М. Маловиста «Zagadnienie kryzysu feodalizmu w XIV—XV ww.».

⁴ Концепция профессора Поста развита в ряде статей: «The Chronology of Labour Services» (Transactions of the Royal Historical Society, 4 Ser. XX, 1937); «Revisions in Economic History: the Fifteenth Century» («Economic History Review», 1939); «Some Social Consequences of the Hundred Years War» (ibidem, 1942); «The Rise of the Money Economy» (ibidem, 1944); «Some Economic Evidence of the Declining Population in the Later Middle Ages» (ibidem, 2nd Ser. 1950); «The Manor in the Hundred Rolls» (ibidem, 1950), а также в написанной им главе IV второго тома «Cambridge Economic History», 1952.

ского» хозяйства, основанного на системе отработочных рент. Но это упадок особого рода. В упадок приходит крупное сельскохозяйственное производство, сокращается торговля, но крестьяне улучшают свое положение, увеличивают свое землепользование, возможно, увеличивают производительность труда. Создается обилие сельскохозяйственных продуктов. Крайне сократившиеся в числе сельские (как и городские) рабочие получают значительно более высокую, чем раньше, заработную плату.

Что же лежит в основе увеличения и снижения прибыльности производства хлеба на рынок? Новая теория особенно выдвигает причины демографического характера. «Бум» XIII в. объясняется быстрым ростом населения, депрессия XIV—XV вв. — значительной его убылью, начавшейся будто бы в 20-х годах XIV в., ранее «Черной смерти», и продолжавшей сказываться до конца 60-х или 70-х годов XV века. Убылью населения объясняется в основном весь тот комплекс условий, который привел к падению процветавших в XIII в. (и самом начале XIV в.) доменального хозяйства и барщинной системы. В трудах представителей новой теории убылью населения объясняется и благоприятное положение крестьянства, которое стало располагать большим количеством земли на хозяйство, платя пониженную ренту, и высокая заработная плата рабочих. Беверидж склонен видеть в этом «великую историческую иллюстрацию мальтузианских истин».

Эпидемии, полагает Беверидж, благотворно уменьшили население Англии вдвое. Вследствие этого положение трудящихся улучшилось, и было два или три счастливых поколения; но, увы, люди стали опять быстро размножаться, и их благосостояние стало падать...⁵

Чем же вызывается падение численности населения в XIV—XV веках? Этот вопрос уже не ставится, как раньше, в непосредственную связь с «Черной смертью» 1348—1349 гг. и эпидемиями 60-х годов XIV века. Предполагается, что сокращение населения началось раньше «Черной смерти» и что оно продолжалось дольше, чем могли сказываться последствия чумы. Одни историки дают здесь «мальтузианское» объяснение, видя в падении численности населения в XIV—XV вв. результат чрезмерно быстрого его роста в XIII веке. Другие видят причины в истощении почвы (мальтузианский «закон убывающего плодородия почвы»), в стихийных бедствиях, вызванных эрозией, что также связано с «перенаселением». Некоторые (Солтмарш) дают «биологическое» объяснение, видя причину в длительном заражении Англии бактериями чумы. Постан осторожно воздерживается от прямого ответа на данный вопрос.

Новая буржуазная историография ввела в научный оборот много источников и оперирует широким кругом фактов. Но предлагаемые ею обобщения и гипотезы представляются малоубедительными, поскольку они определяются не столько фактами, сколько предвзятыми и методологически порочными установками. Допшианская концепция стремится безмерно расширить понятие «капитализм», сиюсь доказав его извечность.

Для нас, конечно, неприемлемо представление о «капиталистическом» или хотя бы «квазикапиталистическом» характере феодальной вотчины (манора). Феодальная вотчина принадлежит к совсем другой общественной формации, к формации феодальной, для которой характерны иные закономерности. Буржуазной исторической мысли чужда роковая для нее ныне идея смены общественных формаций. Выдвигая на первое место явления обмена, торговли, денег, она игнорирует смену господствующих способов производства. Обычной ошибкой буржуазных историков-экономистов является неисторическое перенесение категорий капи-

⁵ «Economic History». 1927, № 2.

талистического хозяйства в изучение условий докапиталистической эпохи. По словам Ленина, «нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных народов на все времена и народы»⁶.

Мы считаем сложившуюся в IX—XI вв. феодальную вотчину (манор) в своей основе организацией натурально-хозяйственной. Однако и в натуральном хозяйстве всегда имеются известные элементы товарного производства и обращения, хотя и не они определяют основное направление хозяйственной деятельности⁷. Значение этих элементов все более возрастает, особенно со вступлением на историческую сцену городов как экономической категории. Натурально-хозяйственная по своим основам организация феодального манора может до известной степени приспособляться к требованиям рынка. И. В. Сталин подчеркивал, что товарное производство существовало при феодализме и обслуживало его. Но товарное производство не является еще капиталистическим. Для того, чтобы оно стало капиталистическим, нужно, чтобы в товар превратилась и рабочая сила; другими словами, чтобы производство было основано на эксплуатации не феодально зависимого крестьянина, а наемного рабочего, лишённого средств производства и принужденного продавать свою рабочую силу.

Мы можем вполне согласиться с тем, что в XI в. (а вероятно, и ранее) во многих английских манорах, особенно в крупных церковных, преобладала отработочная рента (вероятно, вместе с рентой продуктами). Но это объясняется не благоприятными условиями хлебного рынка, а лишь господством натурального хозяйства. Ранее развитие отработочной ренты на почве натурального хозяйства надо отличать от ее позднего развития на почве образования рынка для сельскохозяйственных продуктов. То, что мы знаем о городах эпохи Domesday, не позволяет нам предполагать сколько-нибудь значительного развития городского рынка, хотя таковой в весьма ограниченных размерах несомненно существовал и ранее. В связи с незавершенностью процесса феодализации Англии ко времени нормандского завоевания развитая барщинная система возникла далеко не повсюду. Повидимому, крупную роль играла рента продуктами (мы имеем в виду ренту продуктами как первоначальную форму феодальной ренты, а не как форму превращения отработочной ренты; в этой последней форме ренты продуктами не получила заметного развития в Англии). Вполне возможно было и существование в эту эпоху (в незначительных размерах) и денежной ренты — показателя начавшейся постоянной связи крестьянских хозяйств с городским рынком. Возможно, конечно, что и феодалы сбывали на городском рынке часть избытка своего хозяйства. Но это еще не могло оказывать значительного влияния на систему манориального хозяйства.

Нормандское завоевание могло ускорить процесс закрепощения крестьянства и развития манориальной системы с характерным для нее барщинным хозяйством и увеличить норму феодальной ренты.

Не вызывает возражений утверждение Постана, что в XII в. в ряде барщинных маноров развивалась денежная рента и сокращалось доменное хозяйство. Но нет никаких оснований связывать этот процесс с неблагоприятными условиями торговли хлебом. Насколько мы можем судить, XII век был временем развивающегося общественного разделения труда, роста городов как экономической категории и соответствующего расширения хлебного рынка. Об этом говорит и быстрый рост цен на хлеб, наблюдаемый с 60-х годов, но, очевидно, начавшийся раньше. Повидимому, именно в это время городской рынок начал оказывать заметное влияние на систему манориального хозяйства. Сокращение доменного хозяйства и рост денежной ренты указывают на то, что

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 137.

⁷ См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 176; т. II, стр. 113. Госполитиздат. 1953.

главная роль в торговле с городом в эту эпоху принадлежала крестьянским хозяйствам. Можно думать, что торговля с городом стимулировала производительность крестьянского хозяйства, а это влекло за собой и возрастание феодальной ренты в ее денежной форме. «Обычай» не создавал здесь неодолимых препятствий, хотя в ряде случаев он и вызывал некоторое отставание роста ренты от роста прибавочного продукта крестьянского хозяйства. Повидимому, в начальный период развития городского рынка лордам было проще использовать крестьянскую торговлю с городом для получения нужных им денег, чем увеличивать с этой целью продукцию своего домениального хозяйства.

Развитие денежной ренты не всегда связано с коммутацией барщинных работ. В ряде маноров денежная рента возникает как коммутация ренты продуктами. Наконец, денежная рента могла появиться рядом с отработочной (и рентой продуктами) как дополнение к ним. Денежная рента возрастает также в результате сдачи частей домена в аренду. Преимущества от перехода к денежной ренте доставались сравнительно немногим крестьянам⁹. Преобладающей части крестьянства этот переход не принесл облегчения. Он вел к повышению нормы феодальной эксплуатации и к усилению расслоения крестьянства.

Если денежная рента развивалась в XII в., то это, конечно, не означало, что лорды маноров не делали тогда попыток реализовать излишки домениальной продукции на городском рынке или даже увеличить эти излишки путем усиления отработочной ренты. У нас есть основания думать, что развитие общественного разделения труда и товарности феодального хозяйства от XI до XIV в. сопровождалось ростом и массы и нормы феодальной ренты.

Конечно, основным остается вопрос, как далеко зашел в XII в. процесс развития денежной ренты, какую часть крестьянских повинностей, какие районы и какие типы маноров он преимущественно захватил. Во всяком случае, у нас нет оснований считать XII век временем преобладания денежной ренты.

Начинается XIII век, воспеваемый ныне буржуазными историками как вершина средневекового развития, как кульминационный пункт средневековой культуры, как век веры, мира, благополучия, а также век стремительного роста населения и хозяйственного, особенно сельскохозяйственного, «бума». Во всем этом очень много преувеличенного и просто неверного, но не подлежит сомнению, что в XIII в. получили дальнейшее развитие явления, наблюдавшиеся уже в предшествующее столетие: быстрый рост городов, расширение рынка для продуктов сельского хозяйства и возрастание выгоды торговли хлебом. Создавалось положение, при котором расширение домениальной запашки и усиление отработочной ренты с целью производства для продажи во многих случаях становились выгоднее, чем получение денежной ренты. Во втором томе «Кембриджской экономической истории» Постап приводит таблицы роста цен на пшеницу в период 1160—1519 годов¹⁰. Средние цены вычислены по двадцатилетиям. Согласно этим таблицам, средняя цена квартера пшеницы поднимается с 1,89 шиллинга (за двадцатилетие 1160—1179) до 7,01 шиллинга (за двадцатилетие 1300—1319), то есть в три с лишним раза. Это позволяет автору вслед за Бевериджем говорить о своего рода «революции цен» между серединой XII в. и концом первого двадцатилетия XIV в., после чего цены начинают падать.

⁹ О влиянии замены отработочной ренты денежной на положение крестьянства см. мои «Исследования по аграрной истории Англии в XIII в.», стр. 427—432.

¹⁰ «Cambridge Economic History of Europe». Vol. II. 1952. p. 166, 205. Я пока оставляю в стороне все сомнения, связанные с принципами, на которых построены эти таблицы.

Мне кажется, что эти таблицы нуждаются в некоторых исправлениях. Наивысшей цифры средняя цена квартера пшеницы достигает в двадцатилетие 1300—1319 гг. лишь благодаря двум голодным — 1315 и 1316 гг., — когда цена на хлеб поднялась до небывалых размеров. Если не считать этих двух лет, то таблица покажет несколько иную последовательность. Быстрый рост цен происходит в период от 1160—1179 гг. до 1260—1279 гг., повышаясь в общем за эти 120 лет в 2,6 раза; затем следует длительный период (опять примерно в 120 лет) более или менее равномерно высоких цен; о заметном их понижении можно говорить лишь с двадцатилетия, начинающегося 1380 годом (цены высчитаны с учетом падения стоимости монеты в XIV—XV вв.).

Можно предложить такую схему движения цен на пшеницу: 1160—1260 годы — период быстрого роста цен; 1260—1380 — период высоких цен; 1380—1480 — период постепенного падения цен; с 1480 г. — начало нового роста.

Во всяком случае, если довериться цифрам таблицы Поста на за XII—XIII вв., то можно заключить, что в этот период для доменального хозяйства значительно возрастает возможность увеличения доходов от продажи хлеба, тем более, что повышение цен на хлеб не сопровождалось таким же ростом цен на другие продукты.

Нельзя пройти мимо вопроса о причинах этого роста. Поста н объясняет его в мальтузианских терминах как результат «давления населения на землю». Несомненно, рост населения мог содействовать росту цен на предметы питания. Но основной причиной был рост общественного разделения труда, рост земледельческого населения и связанное с этим развитие внутреннего рынка. Рост хлебных цен должен был стимулировать товарность и крестьянского хозяйства, особенно платящего денежную ренту. В еще большей степени это относится к свободному крестьянству. На этой почве росла дифференциация в среде крестьянства, создавалась крестьянская верхушка, эксплуатировавшая труд малоземельных крестьян.

Многочисленными данными источников подтверждается, что в XIII в. в ряде случаев отработочные повинности вилланов возрастали. Из исследованных Поста ном описей 800 маноров в 650 он нашел указания на увеличение барщинных работ и доменальной запашки. Барщинные маноры возникали и в тех районах, где их раньше не было. Вместе с тем делались более или менее успешные попытки ввести усовершенствования в доменальное хозяйство, заставить вилланов больше и лучше работать на барщине и т. д. Появляется посвященная этим вопросам сельскохозяйственная литература.

В своих исследованиях (особенно в «Английской деревне в XIII веке», 1935, стр. 215, 227 и мн. др.) я отмечал, что развитие рынка для продуктов сельского хозяйства вызвало в Англии XIII в. попытки увеличить производительность доменального хозяйства и усилить барщинную эксплуатацию крепостных крестьян. Это явление, хорошо известное из истории Восточной Европы более позднего периода, наблюдается и в Англии, особенно в районах наибольшего развития товарности сельского хозяйства (восток и юг), преимущественно в крупных, особенно церковных вотчинах, владевших большим числом крепостных крестьян. Как раз такие вотчины оставили после себя наибольшее количество документального материала.

Это не значит, конечно, что XIII век можно охарактеризовать как время господства отработочной ренты. Мои исследования показали, что денежная рента количественно преобладала в Англии во второй половине XIII века. Не всегда рост прибыльности зернового хозяйства вел к усилению доменального хозяйства и отработочной ренты. Иногда он вел к усилению денежной ренты, даже к сдаче частей домена за повышенную ренту (на это указывает и Поста н). На этой почве в XIII в. росли держания «по воле лорда» и на срок за денежную ренту.

Наконец, не следует забывать многозначительной приписки к описям барщинных работ: «omnia opera potest dominus pro voluntate sua ad censum ropere» (Рамзейский картулярий).

В XIII в. возникают или возрастают многие денежные платежи вилланов, которые не были результатом коммутации отработочных рент, как вступительные *finēs*, *auxilia*, поборы манориальной курии (*placita et perquisita*) и т. д.

В районах с преобладанием скотоводства, в частности овцеводства, не было достаточных условий для развития отработочной ренты, но были условия для развития денежной. Заимки (*assarta*) и захваты общинных земель также являлись источником увеличения денежной ренты, если они не присоединялись к домениальному хозяйству. Во всяком случае, в XIII в. наряду с ростом отработочной наблюдается и значительный рост денежной ренты.

Признавая значительную роль в экономике Англии XIII в. крупного хозяйства, основанного на барщинном труде крепостных крестьян и уже производившего значительную часть своей продукции как товар, мы не должны, однако, эту роль преувеличивать. Даже в таких тесно связанных с рынком хозяйствах, как маноры епископства Винчестерского, денежная рента держателей преобладала над выручкой от продажи продуктов домениального хозяйства. Это свидетельствовало о том, что рынок снабжался в первую очередь крестьянскими хозяйствами.

Крупное феодальное хозяйство, основанное на барщинном труде несвободных крестьян и стремящееся получить возможно больше прибыли от продажи продукта, произведенного трудом этих крестьян, располагало все же очень ограниченными возможностями для достижения этой цели. Представляя собой крупную единицу по сравнению с крестьянским хозяйством, домениальное хозяйство было основано на технической базе мелкого крестьянского хозяйства и не имело над ним тех технических преимуществ, которые имеет крупное капиталистическое производство. В XIII в. «спекулятивные лорды» стремились увеличить продукцию своих хозяйств. Но осуществляли они это не столько путем улучшения техники и организации производства, сколько путем усиления «внеэкономического принуждения», о чем свидетельствует хотя бы юридическая история вилланского состояния и вилланского держания в XII—XIII веках. Крепостной труд по своему существу был мало производителен. Его организация требовала больших затрат на администрацию (часто недобросовестную), надзор и учет. Домениальное хозяйство истощало крестьянское, требуя от него рабочую силу и перевозочные средства, особенно в горячее время уборки урожая, отнимая у него удобрения, ограничивая его связи с рынком. Огромная часть дохода расходовалась феодалами непроизводительно: достаточно вспомнить огромную, связанную с непроизводительными расходами задолженность как светских, так и духовных феодалов; это суживало возможности «капиталовложений» и расширенного воспроизводства. «Ministers' Accounts» не показывают сколько-нибудь значительных расходов на улучшение домениального хозяйства. Все это делало ведение крепостнического домениального хозяйства, рассчитанного на рынок, прибыльным лишь при особо благоприятных условиях.

Такие условия, повидимому, существовали в XIII в., по крайней мере, для определенных групп маноров. Это и было причиной возрастания отработочных повинностей. Но можно думать, что уже в середине века начала сказываться невыгодность ведения домениального хозяйства, рассчитанного на рынок, руками несвободных вилланов. Уже во второй половине XIII в. все шире применяются практика *venditio operum* и эксплуатация наряду с вилланским полукрепостнического, полунаем-

ного труда коттеров. Труд этих предшественников сельских рабочих приобретает еще большее значение в XIV веке¹¹.

О начавшемся кризисе домениального хозяйства говорит и наблюдающееся к концу XIII в. сокращение домениальной запашки в некоторых манорах (например, епископа Винчестерского), повидимому, связанное с ростом аренды на домене. В манорах Рамзейского монастыря после 1252 г. наблюдается медленное уменьшение земли *ad opus*. Впрочем, точные хронологические расчеты здесь едва ли возможны.

Часто говорят о перенаселенности Англии во второй половине XIII и в начале XIV века.

Несомненно, с XI в. по конец XIII в. население Англии увеличилось, хотя все цифровые выкладки, основанные на сопоставлении «Книги Страшного Суда» с памятниками XIII—XIV вв., до крайности шатки, прежде всего потому, что нам неизвестны состав населения крестьянского двора и те изменения, которые в течение столетий могли здесь произойти. Но можно ли говорить о «перенаселении» Англии в XIII веке? Действительно ли «имевшиеся в стране средства к существованию были недостаточны для того, чтобы прокормить все увеличивавшееся население»? Факты, подтверждающие это предположение, как будто бы налицо. Это — прежде всего бедственное положение английского крестьянина в XIII в., о котором свидетельствует ряд исследователей (Каультон, Беннет, Нильсон, Хоменс); это — дробление наделов и рост мелких и мельчайших держаний. Это, особенно отмеченное Постановом, обращение под пахоту земель худшего качества, мало пригодных для земледелия. Это общий рост рент, цен на землю и на продукты питания, особенно на хлеб; это, наконец, низкая сравнительно с дальнейшим временем заработная плата, как будто свидетельствующая о большом предложении наемного труда.

Но все эти факты говорят не об «абсолютном», а лишь об относительном перенаселении, вызванном не столько ростом населения в целом, сколько особенностями господствующего способа производства. Прикрепляя крестьянина и рабочего (коттера) к манору, лишая его свободы передвижения, феодальный строй создавал условия, искусственно вызывавшие «перенаселение» в крепостнических, особенно барщинных, вотчинах.

«Перенаселение» и земельная теснота усиливались ростом феодальной ренты в XIII веке. Типичный для этой эпохи крестьянин-полувиргатарий, не говоря уже о виргатарии, мог быть достаточно обеспечен, если бы ему не приходилось отдавать феодалам столь значительную часть своего труда и продукта.

Вероятно, даже при тогдашних условиях развития производительных сил Англия могла бы щедро кормить гораздо большее население, если бы феодалы, феодальная церковь и феодальное государство не высасывали соки из трудящихся масс, если бы значительная часть пахотной земли не была занята под домениальное хозяйство феодалов, если бы скот лордов не занимал общинные пастбища, если бы лорды не захватывали в свое частное пользование общинные земли.

В этой связи можно ставить вопрос об истощении почвы на крестьянских наделах, лишенных удобрения и надлежащего ухода.

Повидимому, к концу XIII и началу XIV в. наивысшей точки

¹¹ Возникает вопрос, почему феодальная вотчина не могла перейти целиком на эксплуатацию наемного труда. Переход от барщинного манора к крупному хозяйству, эксплуатирующему наемный труд, был крайне затруднителен. Надо было изменить всю традиционную натурально-хозяйственную систему производства, администрации, надзора, завести заново большой живой и мертвый инвентарь, гарантировать себе ежегодный наем значительного числа рабочих за низкую плату, найти способ заставить их интенсивно работать и т. д. Все это было трудно для крупного крепостного хозяйства и едва ли могло окупиться, хотя в эпоху кризиса барщинной системы делались попытки широкого применения наемного труда (обычно в соединении с барщинным).

достигают доход «спекулятивных лордов», феодальная рента, крепостная неволя и эксплуатация крестьянства¹². Классовые противоречия обостряются, обостряется и классовая борьба в феодальной деревне. Феодальные производственные отношения в их тогдашнем виде становятся тормозом для развития производительных сил, истощая крестьянское хозяйство, угрожая физическим истощением самому крестьянину.

Все эти явления были сильнее выражены в барщинных манорах, чем в оброчных, в которых было меньше препятствий к развитию производительных сил крестьянского хозяйства, связанного с рынком уже в силу характера ренты; но и там развитие производительных сил тормозилось ростом денежной ренты.

Наступает перелом в развитии феодального способа производства, выражающийся прежде всего в падении крепостнически-барщинной системы.

За периодом роста доменального хозяйства, крепостничества, феодальной ренты (как в отработочной, так и в денежной форме) последовал все еще недостаточно изученный период разложения и упадка крепостнически-барщинной системы, ликвидации доменального хозяйства и отработочной ренты, отмирания вилланства, фиксации денежной ренты на сравнительно низком уровне, известного закрепления прав крестьянина на его надел (копигольд), появления предпосылок капиталистического перерождения деревни. Допшианская концепция, для которой не существует проблемы перехода от феодального хозяйства к капиталистическому, а существует лишь вопрос о временном падении крупного «капиталистического» сельского хозяйства между двумя периодами подъема, подчеркивает в аграрном развитии XIV—XV вв. явления упадка, депрессии-упадка крупного «капиталистического» хозяйства, который начинается в 20-х годах XIV в. и продолжается до 60-х или 70-х годов XV в., после чего наступает новый подъем. Этот упадок объясняется в первую очередь причинами демографического характера — значительным и продолжительным сокращением населения Англии в этот период. Сокращению населения отводится виднейшее место среди причин, вызвавших падение крепостнически-барщинной системы, и в работах некоторых из английских прогрессивных историков, рассматривающих убыль населения как результат развития противоречий, характерных для феодального способа производства.

М. Дobb видит основную причину падения манориального строя в развитии внутреннего противоречия, присущего феодальному способу производства, а именно противоречия между низкой производительностью крепостного труда и ростом потребностей феодалов. При низкой производительности крепостного труда увеличение феодальной ренты происходит за счет необходимого продукта и влечет за собой истощение или даже вымирание несвободных производителей. Население, быстро выросшее за предыдущий период, начинает сокращаться еще до «Черной смерти». Да и сама «Черная смерть» является лишь одним из эпизодов (хотя и самым значительным) в веренице эпидемий и голодовок, и вызвана она плохим питанием и физическим истощением крепостного крестьянства. Сокращение населения в феодальных вотчинах происходит не только вследствие вымирания, но и вследствие бегства вилланов, принимающего катастрофический характер. Уменьшение населения приводит к недостатку рабочих рук, невозможности продолжать доменальное хозяйство, к его ликвидации и падению, таким образом, барщинной системы. Однако,

¹² Возможно, впрочем, что критическая точка была достигнута уже к середине XIII в.; ср. например, N.S.B. G r a s. English Corn Market. Cambridge. 1926, p. 28. Но это вопрос, требующий специального изучения.

помимо влияния убыли населения, кризис феодальной вотчины, по мнению Добба, вызывался еще рядом экономических причин, которые пока недостаточно выяснены наукой.

Р. Хилтон также приписывает убыли населения большую роль в том процессе, который он характеризует как «остановку в развитии способа производства, доведшего свои производительные ресурсы до крайних пределов и неспособного развиваться дальше» (см. Р. Хилтон и Г. Фаган. Восстание английского народа в 1381 году. 1952, стр. 29. Русский перевод). Мне кажется, что в этих утверждениях все же преувеличено значение убыли населения в цепи причин, вызвавших кризис XIV—XV веков. Учесть прямые и косвенные результаты убыли населения очень трудно, потому что, во-первых, у нас нет твердых данных о хронологии этой убыли, о ее начале и конце, о ее силе и значительности и, во-вторых, одновременно с фактором убыли населения действовали и другие, более существенные факторы. Почти все, что приписывается влиянию убыли населения, может быть объяснено действием и других причин.

Прежде всего необходимо учесть влияние, которое оказывала на весь процесс развития феодального строя классовая борьба крестьян против феодалов, борьба, порой выливавшаяся в большие восстания, но чаще выражающаяся в местных вспышках и в повседневном сопротивлении крестьян растущим требованиям феодалов. Этот фактор игнорируется современной буржуазной историографией.

Возрастание феодального давления на непосредственных производителей и особенно усиление барщинной системы не могли не вызвать усиления классовых противоречий и классовой борьбы в английской деревне.

Английские крестьяне не были инертной массой, с которой можно было делать все, что угодно. Они были людьми, способными отстаивать свои интересы. Община давала им некоторую организованность и сплоченность. На усиление давления они отвечали усилением сопротивления.

Еще не написана история английского крестьянства, в которой видное место должно принадлежать истории крестьянского сопротивления, но уже набросаны некоторые ее страницы, например, небольшой, но исключительно интересный и содержательный этюд Р. Г. Хилтона «Крестьянские движения в Англии до 1381 г.»¹³. В своей книге «Английская деревня в XIII в.» (1935) я пытался показать борьбу, которую вели английские крестьяне в XIII в. за землю, за ренту и за личный статус¹⁴.

В истории феодальной ренты необходимо учитывать все нарастающее движение сопротивления крестьян в XIII—XIV вв., нашедшее наиболее яркое выражение в восстании Уота Тайлера, но не прекратившееся и в дальнейшем. Крестьянское сопротивление возрастало не только потому, что усиливалось принимавшее разные формы внеэкономическое давление со стороны лордов, но и потому, что значительная часть крестьянства уже с XII в. стала все больше производить на рынок. А барщина была не только самой тяжелой формой эксплуатации, но и больше всего препятствовала крестьянину извлекать выгоду из торговли. Крестьянин не мог диктовать лорду желательную ему форму ренты. Но у крестьянина имелись средства сделать данную форму ренты невыгодной для лорда.

¹³ R. G. Hilton. Peasant Movements in England before 1381 («Economic History Review», 2-d ser. Vol. II. 1949. № 2).

¹⁴ В последнее время молодыми советскими исследователями был написан ряд диссертаций на тему о «классовой борьбе английского крестьянства против феодальной эксплуатации»: К. Авдеева. Ранние огораживания и борьба за общинные земли в Англии XIII в. (Ленинград. 1951); А. Геллертов. Феодальная олигархия и гражданская война в Англии во второй половине XIII в. (г. Горький. 1954), Эм Чан Ден. Восстание Джека Кэда в 1450 г. (Ленинград. 1954). Рукописи хранятся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

В протоколах манориальных курий (Court Rolls) много данных о намеренно плохой работе, о приемах саботажа. Крестьяне вели борьбу за понижение денежной ренты путем «рентных забастовок», как назвал Хилтон нарастание неоплатных недоимок. Протоколы королевских судов рассказывают и о тщетных попытках крестьян найти судебную защиту, и об их прямом, даже вооруженном сопротивлении требованиям феодалов.

Одной из форм сопротивления крестьян крепостной эксплуатации являлось также бегство из манора, уход в города и в малозаселенные части страны¹⁵. Мне кажется, что Постан сильно преуменьшает значение этого фактора. Источники дают много указаний на то, что население городов постоянно пополнялось беглецами из деревни. В то же время мы видим, что население районов Англии, где крепостническая эксплуатация достигла наибольшего развития, между концом XI и концом XIV в. выросло значительно меньше, чем в областях сравнительно слабого развития манориальной системы.

Однако в XIV в. шла, повидимому, не только внеэкономическая, но и экономическая борьба между ведущими свое домениальное хозяйство феодалами и продававшими свои продукты крестьянами, которые уже и ранее были главными поставщиками городского рынка. Возможно, что эта борьба шла в области цен. Лучше известна борьба между феодалами и зажиточными крестьянами в области заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Понижая цены и повышая заработную плату, крестьяне-«кулаки» имели возможность делать домениальное хозяйство невыгодным для феодалов.

Движения крестьян долго носили стихийный и разрозненный, но ясно выраженный антифеодальный характер.

Восстание Уота Тайлера дало четкую программу крестьянских требований. Подавление крестьянского восстания не помешало тому, что значительная часть этой программы была проведена в жизнь. Крестьянское движение, как могущественный фактор социально-экономических перемен, не прекращалось и после расправы с крестьянами в 1381 году. Требования крестьян, предъявленные в Майль-Энде, были почти полностью осуществлены в XV веке. Отмена вилланства, отмена всех видов барщины, установление низкой денежной ренты, отмена феодальных ограничений крестьянской торговли — таковы были требования Майль-Эндской программы. Осуществились отчасти и некоторые требования более радикальной Смитфильдской программы. Крестьянам досталась значительная часть домена не только церковных, но и светских лордов, хотя и не в том виде, конечно, как это рисовалось тем, кто шел за Уотом Тайлером и Джоном Боллом.

Но требования крестьян могли осуществиться лишь потому, что они соответствовали всему ходу общественного развития феодальной Англии. Крепостное производство стало сковывать развитие производительных сил средневекового общества. Великая историческая борьба средневекового крестьянства за землю и волю, против своих угнетателей объективно была направлена на освобождение производительных сил от оков феодального производства. В этом — великое прогрессивное значение борьбы средневекового крестьянства. «В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Преобладающее большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность»¹⁶.

В XV в. основная часть крестьянства стала лично свободной, она

¹⁵ См. Maitland. The History of a Cambridgeshire Manor («English-Historical Review». IX, 1894; F. Davenport. The Economic Development of a Norfolk Manor. Cambridge. 1906; И. Гранат. К вопросу об обезземелении крестьян в Англии. М. 1908. J. C. Russel. British Medieval Population. 1948.

¹⁶ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 721.

была более обеспечена землей, чем раньше, ее владельческие права лучше охранялись, она платила феодальным собственникам земли более низкие и притом фиксированные ренты. Есть все основания предположить, что (как это допускает Постан) в это время производительность сельскохозяйственного труда повышается и пашни дают больший урожай, чем раньше. Несомненно, труд свободного крестьянина на своей земле был продуктивнее труда крепостного на барщине, и не только на барщине, но и на своем истощенном наделе. Исчезали явления «относительного перенаселения», заставлявшие создавать дробные наделы и пускать в обработку неудобные земли. Рост производительности сельского хозяйства вел к падению цен на зерно. Об этом росте говорит характерное для XV в. «изобилие» сельскохозяйственных продуктов, большое число урожайных лет.

Постан видит признаки упадка хозяйственной деятельности в это время в том, что крестьянское хозяйство будто бы было менее товарным, чем прежнее, домениальное, что оно отдавало на рынок меньшую часть произведенного продукта. Это связано с общей концепцией Поста́на о «капиталистическом» характере феодального манора и об общем сужении и внешнего и внутреннего рынка в XV веке. Но крестьяне уже давно стали производить часть своего продукта на рынок, и не только «кулаки», но и «средняки», если можно употреблять эти термины иной эпохи. Товарность домениального хозяйства, связанная с развитием отработочной ренты, препятствовала развитию товарности крестьянских хозяйств, которая могла возрасти лишь после отмены барщины, крепостного права, высоких рент и феодальных ограничений крестьянской торговли.

Отмена ряда личных и поземельных феодальных ограничений приводила к усилению дифференциации крестьянства. В манориальных описях XIV—XV вв. отчетливо выделяется крестьянская верхушка. Крупное крестьянское хозяйство было, несомненно, более товарным по своему характеру, чем барщинное хозяйство феодалов. В частности, оно не было связано с огромными непроизводительными тратами, у него было гораздо больше возможностей расширенного воспроизводства. Конечно, вспышки эпидемий и особенно «гангстеризм» феодалов и гражданские войны должны были в той или иной мере дезорганизовать торговлю. Англия страдала от отравления общественного организма токсинами загнивающего феодального строя. Но это уже другая тема. Во всяком случае, в XV в. начинается глубокая перестройка всего характера и производства и рынка, значение которой трудно измерить одними количественными показателями.

Часть крестьян лишилась земли и перешла в число безземельных наемных рабочих. Но их заработная плата была выше, чем в предыдущий и последующий периоды. Наниматель, крупный крестьянин, мог с выгодой для себя платить рабочему плату более высокую, чем крупный помещик¹⁷. На этой почве уже в XIV в. разворачивается упорная борьба между зажиточными крестьянами и лордами. По наблюдениям Хилтона, высокая заработная плата, которую предлагали рабочим наниматели-крестьяне, служила последним единственным оружием в борьбе с лордами за рабочую силу.

В целом крестьянин и рабочий в XV в. были лучше обеспечены, чем в XIII веке. Форте́скью имел все основания сказать: «Простой народ в нашей стране лучше питается, а также лучше одевается, чем у какой-либо нации, христианской или языческой»¹⁸. Все это можно объяснить и без гипотезы о значительном и длительном падении численности населения Англии, без «мальтузианских» измышлений.

¹⁷ В. И. Ленин показал, что кулацкое хозяйство может платить рабочему на 15—20% больше, чем помещичье, и «выжимать» из него на 50% больше работы (См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 207—208).

¹⁸ Fortescue. Works. Vol. I. 1869, p. 552.

Значит ли это, что мы отрицаем факт сокращения населения Англии в указанный период или склонны думать, что он не оказал никакого влияния на процесс разложения барщинной системы и всего феодального хозяйства?

Но ведь самый факт начавшегося в 20-х годах XIV в. и продолжавшегося до 60-х или 70-х годов XV в. падения численности населения Англии не является прочно установленным. Даже опирающиеся на него историки считают его лишь гипотезой, которая, однако, по их мнению, хорошо объясняет ряд наблюдаемых в эту эпоху явлений. Нам, однако, кажется, что эти явления могут быть объяснены иначе.

Признавая недостаточность прямых демографических указаний, Постап приводит ряд косвенных доказательств значительной и продолжительной убыли населения в данный период.

Как один из наиболее убедительных косвенных аргументов, приводимых в доказательство теории упадка населения в XIV—XV вв., выдвигается рост заработной платы за этот период. С точки зрения мальтузианской теории, утверждающей, что величина заработной платы обратно пропорциональна абсолютному числу рабочего населения, этот рост можно объяснить только значительным сокращением числа рабочих. В статье, помещенной в «Economic History Review» за 1950 г., Постап приводит таблицу роста заработной платы по двадцатилетиям с 1300 до 1479 года. Он делает попытку показать движение реальной заработной платы. Если, по его вычислению, количество пшеницы, которое можно купить на заработок сельского рабочего в двадцатилетие 1300—1319, принять за 1,00, то для следующего двадцатилетия цифра повысится до 1,40 и затем, повышаясь с некоторыми колебаниями, дойдет в 1440—1459 г. до 2,36, возросши, таким образом, за полтора столетия почти в $2\frac{1}{2}$ раза. Но характерно, что цифра для выраженной таким образом реальной заработной платы сельскохозяйственного рабочего почти не повышается в те два двадцатилетия, когда убыль населения была несомненна (1340—1379), а самый большой скачок вверх (на 81%!) она делает в двадцатилетие, начинающееся с 1380 года.

Эти цифры нам кажутся несколько преувеличенными. Дело в том, что Постап принимает за 1,00 цифру для двадцатилетия 1300—1319, а на это двадцатилетие приходится, как было уже отмечено, два года (1315—1316) исключительно высоких цен на пшеницу. Если исключить эти годы, то повышение заработной платы окажется несколько меньшим. Кроме того, надо принять в расчет, что реальная заработная плата определялась не только ценой на хлеб, которая падала с 80-х годов XIV в., но и ценами на другие продукты, которые не испытывали такого падения.

На размер заработной платы влияют многие обстоятельства, в том числе не только предложение рабочих рук, но и спрос на них, а также способность рабочих отстаивать свои интересы. В этом отношении особенно примечательно резкое повышение заработной платы в двадцатилетие, начинающееся 1380 годом. Повышение заработной платы со второго десятилетия XIV в. может быть объяснено возрастающим спросом на рабочие руки ввиду начавшегося падения барщинной системы и попыток лордов более широко заменять несвободный труд вилланов наемным трудом. Высокая по сравнению с 1300 г. заработная плата в XV в. может быть объяснена дифференциацией крестьянства, отслоением крестьянской верхушки, нуждающейся в наемном труде, а также различием между свободным безземельным рабочим XV в. и полукрепостным рабочим-коттером, получавшим часть своей «заработной платы» в натуральной форме надела.

Освобождение части крестьян как от крепостной зависимости, так

и от земли не могло не отозваться и на заработной плате. При этом надо иметь в виду и возрастание мобильности крестьян.

Мы видели, кроме того, что типичный наниматель XV в. — крупный крестьянин — мог дать рабочему большую заработную плату, чем феодальный лорд, и требовать с него больше работы.

В вопросе о заработной плате мы не можем не принимать во внимание также того обстоятельства, что значительная часть малоземельных и безземельных могла в это время находить заработок в неземледельческом труде, особенно в распространившейся в деревне шерстяной промышленности. Сделанный Постановом подсчет рабочих рук, занятых в шерстяной промышленности, явно занижен.

Нет необходимости прибегать к гипотезе о длительной убыли населения, чтобы объяснить уменьшение численности мелких держателей в манориальных описях XIV—XV вв. и начала XVI века. Часть их могла лишиться земли в процессе дифференциации крестьянства; при этом они исчезали из манориальных описей и легче уклонялись от податных расследований. Другие могли уйти из манора. Наконец, часть малоземельных крестьян-коттеров могла увеличить размеры своих держаний и перейти в высшие разряды держателей. Постанов отмечает это явление, объясняя его убылью населения. Но объяснением может служить также и возможность увеличить свое держание за счет сдававшейся домениальной земли.

Гипотеза о длительной убыли населения не нужна для объяснения таких явлений, как падение рент и цен на землю, как наличие известного процента вакантных держаний, не находящихся сразу съемщиков за требуемую плату, как прекращение обработки земель худшего качества, мало пригодных для земледелия и более пригодных для скотоводства. Во всех этих явлениях основную роль играла ликвидация домениального хозяйства, выбрасывавшая на земельный рынок большое количество земли, и отмена прикрепления крестьянина и «рабочего с наделом» к манору, не говоря уже о роли крестьянской борьбы. Падение цен на хлеб, которое началось не со второго двадцатилетия, а с 80-х годов XIV в., также не имеет прямого отношения к сокращению населения¹⁹.

И без этой гипотезы понятен факт временного улучшения положения крестьян и рабочих в XV в., используемый Бевериджем для подтверждения «мальтузианских истин».

Наконец, вопрос об убыли населения нельзя рассматривать в отрыве от вопроса о перемещениях населения, которые должны были усилиться после падения крепостного права. У нас нет оснований преуменьшать подчеркнутое М. Доббом значение ухода крестьян в города и в менее населенные районы страны.

Мы вовсе не склонны отрицать значение демографического фактора, но не считаем возможным придавать ему решающее значение. «Конечно, — говорит И. В. Сталин, — рост народонаселения имеет влияние на развитие общества, облегчает или замедляет развитие общества, но он не может быть главной силой развития общества...»²⁰. Несомненно, рост населения в Англии между XI и началом XIV в. оказывал влияние на рост городов и развитие внутреннего рынка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Также несомненно, что временные потери, которые населе-

¹⁹ Нередко причину ликвидации домениального хозяйства видят в падении цен на хлеб в XIV—XV веках. Заметное падение цен на пшеницу (считая в гранах серебра) начинается, по видимому, только в 80-е годы XIV века. До этого времени цены держатся в среднем на довольно высоком уровне, не обнаруживая, впрочем, тенденции к повышению. Падение цен вместе с крестьянским восстанием могло нанести системе домениального хозяйства лишь последний удар, но борьба домениального и крестьянского хозяйства за хлебный рынок могла расшатывать устой домениальной системы уже и раньше. Ограниченность наших источников затрудняет возможность определить, как отражалась эта борьба на хлебных ценах в этот период.

²⁰ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Госполитиздат. 1952, стр. 588.

ние понесло в XIV в., должны были отзываться и на процессе разложения феодального манора.

Являющаяся одним из звеньев наступившего критического периода в истории английского феодализма временная убыль населения могла оказывать известное влияние и на процесс ликвидации домениального хозяйства, могла ускорять или замедлять его. Вполне возможно, что то расстройство, которое она вносила в домениальное хозяйство, содействовало ликвидации последнего. Но не убыль населения являлась здесь основной причиной.

Глубина перемен, происшедших в XIV—XV вв. во всем строе английской деревни, позволяет говорить о переломе в развитии феодализма в эту эпоху. Этот перелом был началом упадка феодального способа производства, достигшего кульминационного развития в XII—XIII веках. В области феодальной ренты он выразился в падении ее нормы и массы и в установлении полного господства ее денежной формы. Последняя является уже формой разложения феодальной ренты.

Можно ли сказать, что в XV в. крестьяне выиграли борьбу за землю и за ренту? Конечно, такое заключение было бы неправильным. Во всяком случае, эта «победа» была и неполной и временной. Феодальный строй все еще оставался господствующим.

Феодальная собственность на землю и право на феодальную ренту остались за феодалами, освобождение крестьян от феодальной зависимости было далеко не полным; осталась, стало быть, возможность увеличивать ренту и сгонять крестьян с земли, когда для этого создадутся благоприятные условия. Сохранилось феодальное государство; это дало возможность феодалам отчасти компенсировать свои потери в манориальной ренте путем повышения централизованной ренты, включая сюда не только налоги, но и все виды легального (и нелегального) грабежа, которые предоставляла в их распоряжение государственная организация, как она сложилась в XIV—XV веках. Вопрос о централизованной ренте очень остро стоял уже во время восстания Уота Тайлера. Он стал основным вопросом в восстании Джека Кэда. Зарождалось государство феодального абсолютизма, неизменно враждебное крестьянам и рабочим, несмотря на его демагогическое и лицемерное социальное законодательство.

Сама «победа» крестьянства носила в себе зародыши будущей гибели этого класса. В среде крестьянства усиливается и ускоряется процесс дифференциации. мелкобуржуазное хозяйство крестьян-товаропроизводителей было переходом к капиталистическому хозяйству. Как говорит И. В. Сталин, «за крепостническим хозяйством никогда непосредственно не следовало и не может следовать капиталистическое хозяйство — между ними стоит мелкобуржуазное хозяйство, которое сменяет крепостное хозяйство и затем переходит в капиталистическое»²¹.

Ведущую роль в снабжении рынка сельскохозяйственными продуктами играли, повидимому, крупные крестьяне-«кулаки», эксплуатировавшие труд наемных рабочих из крестьян, уже частично отрывавшихся от земли. Такие «кулаки» являлись по преимуществу арендаторами домениальной земли. Из их среды выходили потом фермеры-капиталисты. Они пополняли отчасти ряды «нового дворянства» (как показывают письма Пастанов). Им принадлежала в XV в. активная роль в развитии коммерческого овцеводства и в начальной стадии «огораживаний». Аналогичную роль играло, повидимому, мелкое дворянство, домениальное хозяйство которого уже в XIII в. в значительной мере опиралось на труд малоземельных крестьян-коттеров²².

В английской деревне XV в. уже начинала складываться новая расстановка классовых сил, предвращавшая «эпоху первоначального капиталистического накопления».

²¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 224.

²² См. мои «Исследования по аграрной истории Англии», гл. VI.

Подведем некоторые итоги. Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV вв. может быть схематически представлена так.

У нас мало прямых данных о формах ренты, господствовавших в XI веке. Но есть основания предполагать, что важнейшую роль играла отработочная рента, повидимому, наряду с рентой продуктами. Имелась (в незначительных размерах) и денежная рента. Преобладание натуральных форм ренты соответствует слабому развитию товарного хозяйства, незначительной емкости городского рынка.

С XII в. наблюдается рост денежной ренты, частично вытесняющей отработочную и ренту продуктами. Это связано с ростом общественного разделения труда, увеличением неземледельческого населения и развитием постоянного, главным образом городского, рынка для сельскохозяйственных продуктов, который обслуживался преимущественно крестьянскими хозяйствами. Частичное вытеснение отработочной ренты денежной сопровождалось некоторым сокращением доменального хозяйства феодалов и сдачей частей домена за денежную ренту. Денежная рента могла развиваться и помимо коммутации натуральных форм ренты, как дополнение к ним.

Одной из сторон роста общественного разделения труда было повышение производительности крестьянского хозяйства, увеличение его прибавочного продукта. Но те же причины вызывали рост потребностей феодалов и приводили к захвату ими возрастающего прибавочного продукта в виде феодальной ренты. С XII по XIV в. мы вправе предполагать общее возрастание и массы и нормы феодальной ренты.

Повидимому, денежная рента продолжает возрастать в течение всего этого периода. Но одновременно с этим преимущественно в XIII в. (точные хронологические грани установить трудно) известная часть феодалов, стремясь использовать выгоды от торговли сельскохозяйственными продуктами, увеличивает производство своего доменального хозяйства и с этой целью усиливает отработочную ренту или восстанавливает ее там, где она была заменена денежной.

Этот путь развития феодальной ренты избирают преимущественно крупные феодалы, располагающие большим числом крепостных, особенно в тех районах, где товарное хозяйство достигло наивысшего развития. Это придает усилению отработочной ренты в XIII в. особое значение. Количественно денежная рента делается в это время преобладающей, хотя темп ее возрастания, возможно, замедлился.

Барщинная система, рассчитанная на производство для рынка, вызывает к жизни особо тяжелые формы эксплуатации и приводит к дальнейшему усилению крепостного права. Развивая доменальное хозяйство за счет крестьянского, барщинная система вела последнее к истощению и понижала жизненный уровень крестьянства. Но и рост денежной ренты тяжело ложился на крестьянство и усиливал его дифференциацию.

Повидимому, вторая половина XIII и начало XIV в. были временем наивысшего развития феодальной эксплуатации английского крестьянства, временем наивысшей нормы и массы феодальной ренты, выступающей в отработочной и в денежной формах. Рост феодальной эксплуатации стал истощать крестьянское хозяйство и тем самым подтачивать производительные силы феодального общества, подрывая условия для воспроизводства рабочей силы.

Между феодалами и крестьянами усиливается (не прекращавшаяся и ранее) борьба за прибавочный продукт. Эта длительная борьба, проявлявшаяся в разных формах, нашла наиболее яркое выражение в восстании 1381 г., которое дало четкую формулировку крестьянских требований. Требования эти носили прогрессивный характер, так как они были направлены против тех препятствий, которые феодализм, особенно в фор-

ме возрожденной и усиленной барщинной системы, ставил на пути развития производительности крестьянского хозяйства — главной основы всего общественного производства той эпохи. Требования, выставленные крестьянами, были в той или иной мере осуществлены в XV веке. Почти повсюду исчезло крепостное право, барщинная система уступила место денежной ренте, причем последняя была фиксирована на сравнительно низком уровне; домениальные земли феодалов были в основном присоединены к крестьянским хозяйствам за уплату денежной ренты.

Падение домениального хозяйства и отработочной ренты было вызвано не только прямой борьбой крестьянства, но и рядом условий, которые делали эту систему хозяйства невыгодной, — низкой производительностью подневольного труда, конкуренцией крестьянских, особенно крупнокрестьянских, а также и мелкопоместных хозяйств, эксплуатирующих наемный труд малоземельного крестьянства.

Повидимому, решающим периодом в падении домениального хозяйства и барщинной системы были последние десятилетия XIV и начало XV века. С этого времени можно говорить о полном господстве денежной ренты.

Установление окончательного господства денежной ренты протекало в условиях, невыгодных для ее получателей. Оно было в значительной степени вынужденным и развивалось в обстановке подъема народного движения, что заставляло феодалов быть более сговорчивыми. Ликвидация домениального хозяйства сильно увеличила предложение земельных участков. Все это привело к фиксации ренты на сравнительно низком уровне. Падение крепостной зависимости и принудительной связи крестьян с землей было также благоприятным для крестьян условием в борьбе за снижение уровня ренты. Снабжение рынка продуктами сельского хозяйства сосредоточивается в основном в руках самостоятельных хозяев — крестьян, уплачивающих за свою землю сравнительно невысокую денежную ренту.

Значительность перемен, которые происходили в английской деревне в XIV—XV вв., их последствия для феодалов и крестьян, та обстановка обостренной классовой борьбы, в которой эти перемены происходили, позволяют говорить о критическом, переломном моменте в развитии феодализма, предшествующем периоду его разложения.

Несмотря на ряд явлений упадка, характеризующих феодализм в Англии XIV—XV вв., как, например, упадок домениального хозяйства, возможное замедление роста населения и даже временное его сокращение, политические смуты, феодальные войны и т. д., этот перелом в целом носит прогрессивный характер, так как в результате его был устранен ряд препятствий, которые феодальный строй ставил на пути дальнейшего развития производительных сил английского общества. Этот перелом не был еще крушением феодальной системы, которое наступило гораздо позднее, во время буржуазной революции. Он не может быть отнесен к «эпохе первоначального капиталистического накопления»: в нем складываются лишь предпосылки этого процесса. Критический период XIV—XV вв. всецело относится еще к эпохе господства феодализма, но знаменует начавшийся его спад после наивысшей точки развития, достигнутой в XII—XIII вв.; он привел к временному улучшению положения феодально-зависимого крестьянства.

Феодальное общество переживает в XIV—XV вв. перелом не только в области аграрных отношений, но и в сфере промышленности, государственного строя, права, религии, культуры... Тема о смене форм феодальной ренты в Англии, о ее росте и упадке — весьма широкая тема, захватывающая все стороны общественной жизни этой эпохи. Мы могли коснуться здесь лишь некоторых, основных вопросов этой темы.